

УДК-323.11(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-5-18

**СТРУКТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
ЭТНИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ «НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК»
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Петр Панов

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Аннотация

Институционализация этничности, характерная для политики в российских «национальных республиках», проявляется в разной степени и в разных формах. В данной статье исследуется влияние этнической структуры населения на нормативные проявления институционализации этничности. Сравнительный анализ проведен на основе индексации таких измерений, как институционализация этничности в системе органов публичной власти, в распределении властных позиций (power-sharing) и в нормативном закреплении языковых предпочтений. Сопоставление значений данных индексов с этнической структурой населения республик позволило сделать вывод, что этническая структура населения российских «национальных республик» оказывает влияние на нормативную институционализацию этничности, однако их взаимосвязь не линейная, а U-образная, квадратическая. Наиболее высокая степень институционализации этничности характерна для республик со средней долей «титульной группы» в населении. Слишком высокая доля «титульной группы» снижает стимулы к институционализации этничности, а слишком низкая – снижает возможности «титульной группы» для того, чтобы удовлетворить стремление к институционализации этничности. Вместе с тем, различные измерения нормативной институционализации этничности подвержены этой тенденции неодинаково. Наиболее ярко она проявляется в такой области, как нормативное закрепление языковых предпочтений, а слабее всего – в структуре органов власти республик.

Ключевые слова: национальные республики; этничность; институционализация; органы власти; power-sharing; язык.

Среди 85 субъектов Российской Федерации особое положение занимает категория «национальных республик». Их специфика определяется не столько конституционными предпочтениями (они достаточно скромны - право принимать собственную конституцию и устанавливать свои государственные языки), сколько этническим характером их конституирования в качестве субъектов федерации (Панов, 2017). Это означает, во-первых, что исторически основанием для создания автономных административно-территориальных единиц была этническая специфика территории, и вследствие этого они воспринимаются как «этнические территории», как homeland для «титульных» этнических групп. Во-вторых, этнический характер конституирования АТЕ предполагает сохранение выраженного этнического компонента в региональной идентичности и в настоящее время. Иными словами, в той или иной степени, в тех или иных формах в политике «национальных республик» происходит институционализация этничности¹.

В то же время и степень, и формы институционализации этничности в российских «национальных республиках» существенно различаются. Можно предположить, что такая вариативность объясняется, в первую очередь, структурными факторами, а именно разницей в этнической структуре населения республик. Действительно, с одной стороны, есть несколько фактически моноэтнических республик (Чечня, Ингушетия), в которых «титульная группа» составляет более 90% населения. С другой стороны, в Хакасии хакасы составляют немногим более 12%, а карелы в Карелии - немногим более 7%. В большинстве случаев в республике имеется одна «титульная этническая группа», однако в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии их две, а в Дагестане – примерно десяток горских наро-

© Панов П. В., 2019

¹ В качестве «национальных республик» следует рассматривать не все российские республики, а только 21, поскольку Республику Крым вряд ли можно интерпретировать как этническую автономию. Если существовавшая в 1921-1945 гг. Крымская АССР связывалась с этнической группой крымских татар, а Автономная Республика Крым в составе Украины в 1992-2014 гг. – с этническими русскими (хотя эта трактовка не была общепризнанной), после вхождения Крыма в состав России говорить об этническом характере конституирования этой республики было бы не вполне корректно.

дов воспринимаются как «титульные группы». Таким образом, задача данной статьи – определить, в какой мере и каким образом фактор этнической структуры населения влияет на институционализацию этничности в политике российских «национальных республик».

Под институционализацией этничности в данной работе понимается процесс, посредством которого этническая идентичность приобретает достаточно высокую степень устойчивости в публичной политике региона, то есть этнические идентификаторы, признаки, маркеры относительно устойчиво воспроизводятся в политических взаимодействиях (Назукина, 2018). М.В. Назукина выделяет три основных направления институционализации этничности: 1) символическая (инкорпорирование этничности в символику регионов, топонимику, праздники, брендинг, пантеоны региональных героев и т.д.); 2) нарративно-мифологическая (присутствие этничности в доминирующих нарративах и мифологемах региона); 3) нормативная (устойчивое воспроизводство этничности в системе органов публичной власти и нормативно закреплённых политических курсах).

В данной работе анализируется третье направление – нормативная институционализация, в котором, в свою очередь, также можно выделить три измерения. Во-первых, этнические идентификаторы могут присутствовать в официальном наименовании органов публичной власти, их структуре и официальной репрезентации. Во-вторых, этничность может иметь значение при распределении важных политико-управленческих позиций. В-третьих, этнические группы могут иметь некие преференции, которые нормативно закрепляются в государственной политике (политических курсах). Такого рода преференции могут быть в самых разных сферах политики, но поскольку основным маркером этничности в современном мире является язык (Борисова, 2017; Brubaker, 2013; Vormann et al., 2015), в первую очередь внимания заслуживает языковая политика, тем более именно здесь этнические преференции выражены наиболее явно, и одновременно обнаруживаются существенные различия между республиками.

Этничность в системе органов публичной власти

Важнейшим этническим идентификатором является уже само по себе наличие этнонима в наименовании республики, но этот признак присутствует во всех случаях¹. Поэтому представляется оправданным обратиться к названиям основных органов в системе публичной власти – правительствам и парламентам. В первом случае этнические маркеры отсутствуют: «Правительство» или (иногда) «Кабинет министров», а далее следует название республики, что, очевидно, нельзя рассматривать как этнический маркер. Что касается официального наименования региональных парламентов, здесь обнаруживается значительно больше разнообразия: Государственный совет, Государственное собрание, Народное собрание, Парламент, Законодательное собрание. Более того, в 6 случаях из 21 наряду (или вместо) этих этнически нейтральных названий используются этнически окрашенные термины (выделены курсивом): Государственный совет – *Хасэ* Республики Адыгея, Государственное собрание – *Эл Курултай* Республики Алтай, Государственное Собрание – *Курултай* Республики Башкортостан, Народный *Хурал* Республики Бурятия, Народный *Хурал* (Парламент) Республики Калмыкия, Верховный *Хурал* (парламент) Республики Тыва, Государственное собрание (*Ил Тумэн*) Республики Саха (Якутия).

Основополагающим компонентом институциональной структуры парламентов являются комитеты. Можно было бы ожидать, что в «национальных республиках» обязательно должны быть комитеты, которые специализируются на проблемах «национальных отношений», «национальном вопросе» и т.п., но они имеются лишь в 13 республиках. Следует, правда, учитывать, что количество комитетов в региональных парламентах, как правило, невелико (в наших случаях оно варьируется от 4 в Чувашии до 14 в Якутии, а обычная практика – 6–7 комитетов). Этим объясняется, что комитеты обычно многопрофильны, то есть они не ограничиваются только сферой «национальных отношений». Например, встречаются такие варианты, как Комитет по межрегиональным связям, национальным вопросам, молодежной политике, общественным и религиозным объединениям (Бурятия), Комитет по образованию, культуре, науке и национальным вопросам (Татарстан), Комитет по местному самоуправлению, общественным объединениям и межнациональным отношениям (Хакасия). Тем не менее, в двух случаях (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия), обнаруживаются комитеты с «узкой» специализацией: Комитет по межнациональным отношениям.

¹ Единственное исключение – Дагестан, однако отсутствие этнонима в названии республики вызвано тем, что «титульными» здесь являются не одна и не две, а сразу несколько этнических групп.

Что касается институциональной структуры региональных правительств, во всех республиках, кроме Калмыкии¹, имеется, так сказать, «профильное» ведомство (или «профильное» подразделение ведомства), которое специализируется на «национальных отношениях», однако уровень и место профильных ведомств в системе органов исполнительной власти существенно варьируется. В 14 случаях такое ведомство имеет статус министерства, в 2 – комитета, в 1 – агентства. В четырех республиках в составе правительства профильного ведомства нет, но есть специальное подразделение в составе администрации главы субъекта РФ.

При этом следует отметить, что в большинстве случаев «национальные отношения» входят как отдельное направление в ведомство, которое занимается и некоторыми другими «смежными» вопросами. Чаще всего это сферы культуры и образования: Министерство культуры, национальной политики, туризма и архивного дела Республики Мордовия, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. В других случаях сфера «национальных отношений» комбинируется с «внешними связями» (Комитет Республики Адыгея по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствами массовой информации, Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия), с региональной / территориальной политикой (Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия, Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия). Как правило, в таких многопрофильных ведомствах имеются специальные отделы по «национальным отношениям», нередко их руководители имеют статус заместителя министра. Подобная ситуация характерна и для тех республик, где «профильное ведомство» находится в составе администрации главы субъекта РФ.

Лишь в пяти республиках из 21 созданы самостоятельные, отдельные ведомства по «национальным отношениям»: Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан, Министерство национальной политики Республики Коми, Министерство Республики Северная Осетия-Алания по вопросам национальных отношений и Министерство национальной политики Удмуртской Республики, а также Агентство по делам национальностей Республики Тыва (появилось недавно, в 2016 г., прежде был отдел по национальным отношениям в Министерстве культуры).

Наконец, анализируя институционализацию этничности в системе органов власти, следует учитывать не только наличие соответствующих органов, но и то, как они официально презентуют себя в публично-политическом пространстве. Релевантным индикатором в данном случае является наличие у органа власти официального сайта на языке «титульной» группы. Здесь также обнаруживается существенная вариативность. Несмотря на то, что практически во всех республиках язык «титульной группы» обладает статусом государственного языка (см. ниже), официальные сайты региональных парламентов на этом языке есть лишь в четырех республиках (Башкортостан, Ингушетия, Коми, Татарстан), а правительства – в семи (Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Коми, Мордовия, Татарстан, Чувашия, Якутия). К последним можно добавить Удмуртию, где на языке «титульной группы» имеется сайт профильного ведомства².

Таким образом, для анализа вариативности институционализации этничности в системе органов публичной власти предлагаются следующие индикаторы (см. табл.1).

¹ Это не значит, что органы исполнительной власти в Калмыкии не занимаются «национальными отношениями»: в Администрации Главы Республики один из восьми отделов – отдел по внутренней политике, в компетенции которого в том числе «национальная политика». Кроме того, в Министерстве культуры и туризма существует отдел этнокультурного развития и музейно-библиотечной деятельности, но вряд ли его можно рассматривать как специальное «профильное ведомство» по «национальным отношениям».

² Ситуация на март 2019 г. Как наличие сайта на «титульном языке» интерпретированы и те случаи, где на этом языке имеется лишь часть страниц сайта. В данном случае важна не полнота, а сам факт представления на официальном сайте информации на языке «титульной группы».

Индикаторы нормативной институционализации этничности

Индикатор	Способ кодировки
Этничность в системе органов публичной власти	
Этнический маркер в названии регионального парламента	(0) отсутствует; (1) присутствует
Наличие комитета по «национальным отношениям» в региональном парламенте	(0) отсутствует; (1) есть комитет, в котором «национальные отношения» - одно из направлений специализации; (2) есть комитет, специализирующийся исключительно на «национальных отношениях»
Статус профильного ведомства по «национальным отношениям»	(0) отсутствует; (1) отдел (управление, департамент) в составе министерства или Администрации (администрация рассматривается как аналог ведомства); (2) самостоятельное ведомство
Официальный сайт парламента на языке «титольной группы»	(0) отсутствует; (1) присутствует
Официальный сайт правительства на языке «титольной группы»	(0) отсутствует; (1) присутствует
Этничность в распределении властных позиций (power-sharing)	
Признаки power-sharing	(0) отсутствуют; (1) присутствуют
Нормативное закрепление языковых преференций	
Государственный статус языка «титольной группы»	(0) отсутствует; (1) государственными являются русский язык и язык «титольной группы»; (2) государственными являются язык «титольной группы» и русский язык
Нормативные требования к изучению языка «титольной группы» в средней школе	(0) не изучается; (1) изучается факультативно; (2) обязательное изучение для представителей титольной группы (3) обязательное изучение для всех

Этничность в распределении властных позиций

Как известно, наиболее явно нормативное закрепление этнического принципа при распределении властных позиций присутствует в модели power-sharing, разработанной А. Лейпхартом: «Power-sharing означает участие представителей всех значимых групп в принятии политических решений, особенно на правительственном уровне» (Lijphart, 2002: 39). Ключевая идея здесь заключается в том, что гарантия участия представителей этнических сегментов в осуществлении власти позволяет устранить этническую дискриминацию в распределении ресурсов и тем самым предотвращать / разрешать этнополитические конфликты. Несмотря на то, что модель power-sharing подвергается достаточно острой критике со стороны оппонентов (Horowitz, 1985; Roeder, 2009), она получила широкое распространение в современном мире и реализуется в самых разных формах: не только «большая коалиция» с участием в правительстве всех значимых этнических партий, но и резервирование для этнополитических сегментов мест в парламенте (Krook & O'Brien, 2010; Reynolds 2008), закрепление ключевых властных позиций за определенными этническими сегментами или гарантирование того, что этнические группы будут контролировать одну из таких позиций, принцип ротации и т.д. В Ливане, например, конституционно установлено, что президентом страны должен быть христианин-маронит, премьер-министром - суннит, председателем парламента – шиит. В Боснии и Герцеговине

Совет министров попеременно возглавляют представители каждой из трех основных этнических сегментов (сербы, хорваты, бошняки).

Ни один из этих механизмов не предусмотрен в Российской Федерации. Официально в настоящее время этническая идентичность не может и не должна иметь какого-либо значения при замещении властных позиций¹. Кроме того, в России законодательно запрещены этнические / этнорегиональные партии, через которые чаще всего (хотя и не всегда) фиксируется представительство этнической группы в органах власти. Тем не менее, как доказывают многие исследования, принцип power-sharing может институционализироваться и на «неформальной основе», когда достаточно устойчивые практики этнического распределения властных позиций воспроизводятся на основе неких договоренностей (конвенций), которым политические акторы следуют в реальности (Bunte & Vinson, 2016; Stojanovic, 2008).

Практика «неформальной институционализации этничности» хорошо известна и на российском материале. Так, еще в советское время проводилась «коренизация» как «политика “доверия местным кадрам”». Ключевой чертой... была идея продвижения представителей титульной национальности в местных партийных организациях и местных органах власти» (Щербак др., 2016: 108). Эта политика приносила свои плоды как с точки зрения формирования этнических сегментов в элитных группах, так и в плане легитимации учета этничности в распределении властных позиций. Неудивительно, что сложившаяся практика в значительной мере была продолжена и в постсоветский период.

Вместе с тем, в условиях, когда формально-нормативные основания учета этничности в распределении властных позиций отсутствуют, определить, в каких республиках, в какой форме, каким образом этничность имеет значение, достаточно затруднительно (подробнее о методологических трудностях см.: Панов, 2015). Очевидно, сам по себе факт, что лицо, занимающее должность, скажем, главы республики, принадлежит к некой этнической группе, отнюдь не является основанием для того, чтобы делать вывод, будто бы эта должность замещена по этническому принципу, даже если это лицо обладает выраженной этнической идентичностью. Во-первых, это может быть следствием, так сказать, «естественных причин», то есть простого преобладания данной этнической группы в составе населения региона. Отсюда следует, что, во-вторых, правильнее рассматривать не какую-то отдельно взятую политическую позицию, а некую совокупность относительно «равноценных» позиций (например, депутаты парламента, члены правительства, высшие позиции), чтобы можно было определить, в какой мере представлены разные этнические группы. В-третьих, чтобы говорить об институционализации этничности в распределении властных позиций, должна иметь место определенная степень деперсонификации. Иначе говоря, и при персональной смене позиции главы республики (или другой позиции) она должна замещаться представителем той же этнической группы. При этом следует учесть, что power-sharing совсем не обязательно предполагает, что каждая отдельная позиция предназначена для конкретной этнической группы, возможен и вариант квотирования, когда не конкретные должности, а какая-то часть совокупности позиций замещается этнической группой. Наконец, в-четвертых, человек, занимающий некую должность, должен восприниматься этническим сегментом как именно его («свой») представитель. И одновременно он сам должен воспринимать себя как представителя данной («своей») этнической группы. Таким образом, чтобы сделать вывод о том, что распределение властных позиций происходит с учетом этнической идентичности, мы должны убедиться, что оно коллективно осмысливается через призму этничности.

Под этим углом зрения были проанализированы практики учета этничности в распределении властных позиций в российских республиках. Вследствие дефицита, а порой и полного отсутствия данных об этнической принадлежности депутатов парламента и членов правительства, мы ограничились высшими политическими позициями: глава республики, премьер-министр и председатель регионального парламента. Как представляется, несмотря на определенные ограничения, этот материал позволяет делать достаточно обоснованные выводы. Кроме биграфических данных о персонах, замещавших эти позиции на протяжении всего постсоветского периода, были использованы материалы нескольких десятков экспертных интервью, которые проводились в «национальных республиках» в 2014–2017 гг. Эти материалы имеют большое значение, поскольку позволяют делать вывод о том, в

¹ Следует уточнить, что в 1990-е гг. в некоторых республиках были приняты законы, которые вводили требование знания «титульного языка» для замещения некоторых должностей (прежде всего, при избрании высших должностных лиц). Фактически, это означало закрепление таких позиций за представителями «титульной группы». Однако в начале 2000-х гг. эти нормы были отменены в рамках федеральной кампании по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным.

какой мере распределение высших политических позиций в республике воспринимается под углом зрения этнической принадлежности.

В результате по индикатору «признаки power-sharing» все республики были закодированы дихотомически (см. табл. 1). Значение «1» присваивалось лишь в том случае, когда на основании указанных выше эмпирических материалов не возникало сомнений в том, что этничность учитывается при распределении высших политических позиций и воспринимается публикой как значимый фактор. Всего таких случаев оказалось 14. Их можно разделить на несколько групп. Первая группа – полиэтнические Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Дагестан, где признаки power-sharing выражены, пожалуй, наиболее ярко, не в последнюю очередь именно потому, что в этих регионах присутствуют сразу несколько значимых этнических сегментов. Соответственно, каждый из них «имеет» одну из трех высших позиций (кабардинцы, балкарцы и русские; карачаевцы, черкесы и русские; аварцы, даргинцы и кумыки). Случай назначения в 2017 г. главой Дагестана В.А. Васильева следует рассматривать скорее как вызванное особыми обстоятельствами исключение, которое не устранило сложившееся «неформальное правило».

В остальных республиках этнически состав не такой сложный, и распределение высших политических позиций происходит между «титульной этнической группой» и русскими. Вариации при этом достаточно большие. В одних случаях (Адыгея, Башкортостан, Татарстан, Калмыкия, Северная Осетия, Чувашия) «титульные» устойчиво контролируют должность главы, но «русские» представлены на какой-то другой из высших позиций, причем в широкой публике это воспринимается как легитимная норма. В других случаях (Алтай, Коми, Хакасия), напротив, на позиции главы республики обычно русские, но считается значимым, чтобы представитель «титульной группы» занимал одну из второстепенных высших должностей). В Бурятии и, особенно в Якутии, не столь важно, кто какую должность занимает, однако придается значение тому, чтобы на высших позициях были представители и «титульной группы», и русские (подробнее см.: Рапов 2016).

В остальных 7 республиках явные признаки power-sharing отсутствуют. Чаще всего это связано с очевидным преобладанием одной этнической группы в составе населения (Карелия, Тыва, Ингушетия, Чечня), что «естественным образом» снимает вопрос об этническом распределении властных позиций этническим составом населения. В Мордовии, Марий Эл и Удмуртии ситуация более сложная. Материалы экспертных интервью свидетельствуют о том, что в некоторой степени запрос на учет этничности при распределении властных позиций имеется, однако соответствующие практики не институционализировались.

Нормативное закрепление языковых предпочтений

В соответствии со ст. 68 Конституции Российской Федерации «республики вправе устанавливать свои государственные языки», которые могут употребляться в органах публичной власти наряду с русским как государственным языком РФ. Этим конституционным правом воспользовались все «национальные республики», кроме Карелии. В большинстве случаев государственный статус «титульного языка» на территории республик нормативно закреплен не только в республиканских конституциях, но и в специальных законах о языках. В конституциях, как правило, установлено, что *государственными языками в [республике] являются [титульный] и русский языки*. Вместе с тем, в нескольких случаях (Адыгея, Мордовия, Удмуртия, Хакасия) на первом месте в этой формулировке стоит русский, а не «титульный» язык. Хотя это совсем не обязательно имеет нормативные последствия. Эксперты отмечают, что в публичном восприятии такой порядок перечисления несколько снижает статус «титульного» языка.

В полиэтнических республиках государственный статус имеют сразу несколько языков. Так, в Кабардино-Балкарии это кабардинский, балкарский и русский (русский на последнем месте), а в Карачаево-Черкесии, кроме языка двух «титульных» групп и русского, государственным статусом обладают также абазинский и ногайский языки (все 5 языков перечислены в алфавитном порядке). В Дагестане конституционно установлено, что «государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана», то есть русский стоит на первом месте, при этом конкретные языки не перечислены. Специальный закон о языках в Дагестане до сих пор не принят. В остальных республиках такие законы есть, за исключением Северной Осетии, где депутаты регио-

нального парламента неоднократно отправляли проект закона на доработку, поскольку споры вызывает вопрос об официальном признании диалектов осетинского языка¹.

Особый случай – Карелия, единственная из российских «национальных республик», где «титольный язык» не имеет государственного статуса. Конституция Карелии устанавливает, что государственным языком является русский. Однако в 2004 г. был принят Закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», в котором отмечается, что «карельский, вепский и финский языки составляют национальное достояние Республики Карелия и наряду с другими языками народов Республики Карелия находятся под ее защитой». При всей важности данного закона он, конечно же, ни в коей мере не заменяет государственный статус, а кроме того, уравнивает карельский язык с вепским и финским.

Таким образом, по индикатору «государственный статус языка титульной группы» Карелии присвоено значение «0», тем республикам, где «титольный» язык указан после русского – «1», а в остальных случаях – «2».

Наиболее важной сферой языковой преференциальной политики является образование. Образовательный процесс в школах Российской Федерации ведется на русском языке, иные языки могут преподаваться в качестве предмета, таким образом, ключевой вопрос – как именно преподается «титольный» язык как предмет. Как правило, этот вопрос регулируется республиканскими законами «Об образовании», однако республики ограничены рамками общегосударственной образовательной политики – Законом об образовании РФ, Федеральными государственными стандартами, примерными образовательными программами и иными документами, а также общими установками в этой сфере, которые транслируются в публичную плоскость. Так, большой резонанс вызвало выступление Президента РФ в 2017 г., в котором он высказался за принцип добровольности в изучении «титольных» языков, и это привело к масштабным проверкам работы школ со стороны контролирующих органов и побудило республиканские органы власти внести поправки в региональное законодательство. Таким образом, ситуация в этой области весьма динамична. Задачи данного исследования, однако, не требуют столь глубокого погружения в тему языковой политики. Как представляется, для того, чтобы оценить, в какой мере происходит институционализация этничности в данной области, достаточно зафиксировать основные принципы, на которых строится преподавание «титольных» языков в средней школе в разных республиках. Здесь обнаруживаются три основных варианта.

Во-первых, в нескольких республиках (Карелия, Алтай, Бурятия, Удмуртия и т.д.) действует принцип добровольности в изучении «титольного языка». Если есть желание учеников / родителей, органы власти берут на себя обязательства открывать классы с изучением «титольного языка» как предмета, обеспечивать школы специалистами, методической литературой и т.д. Масштабы изучения «титольного» языка при этом, конечно, варьируются. Как правило, в сельской местности, в территориях, где компактно проживают представители «титольной» группы, родной язык изучается достаточно широко, а в городах спрос на него невелик даже у «титольной национальности». Это вызывает оправданные опасения за судьбу «титольного языка», порождает желание сделать его изучение обязательным. Эксперты, однако, полагают, что в условиях низкого спроса на язык принуждение к его изучению может вызвать противоположную реакцию. По этой причине в Удмуртии, например, все эти годы воздерживались от того, чтобы вводить в школах удмуртский как обязательный предмет.

Во-вторых, изучение «титольного» языка определяется как обязательное для «носителей» этого языка. Подобные нормы содержатся в законах об образовании в нескольких северокавказских республиках – Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия.

В-третьих, нормативно устанавливается обязательное изучение «титольного языка» как предмета для всех учащихся, независимо от их «национальности». На протяжении 2000-х гг. эта модель вводилась в нескольких республиках, но реализация ее существенно различалась. Вероятно, наиболее «последовательно» принцип обязательности применялся в Татарстане, где региональный Закон «Об образовании» устанавливал, что татарский и русский языки как государственные языки Республики Татарстан изучаются всеми учащимися в равных объемах. Однако чаще использовались более гибкие формы изучения «титольного языка». Например, в Коми, где «титольный» язык как обязательный предмет был введен в 2013 г., объем часов, выделяемый на этот предмет, да и программы обучения, зависят от социолингвистической ситуации. В тех районах республики, где в составе населения преобладает «титольная группа», количество часов существенно больше, и изучается «титольный» язык более глубоко. Там же, где коми-языковая среда слабо сохраняется или отсутствует (например, на

¹ См., например: Бритаева З. Язык вне закона. URL: <http://gradus.pro/yazy-k-vne-zakona/> (дата обращения: 09.04.2019).

севере республики), уроки этого языка имеют в большей мере коммуникативно-культурологическую направленность. Гибкие формы реализации принципа обязательности в изучении «титульного» языка применяются также в Якутии, Башкортостане, Марий Эл и т.д.

Следует заметить, что обязательность изучения «титульного» языка вводилась или отменялась в разных республиках в разное время, а в последние годы в связи с федеральным трендом на добровольность изучения родных языков сам принцип обязательности так или иначе устраняется или как минимум трансформируется. Однако еще раз отметим, что для целей данной работы важна не столько динамика, сколько сам факт того, что хотя бы на какое-то время, на 2000-е гг., в республике нормативно устанавливался принцип обязательного изучения «титульного языка» для всех учащихся. В этих случаях соответствующему индикатору (см. табл. 1) присваивалось максимальное значение («3»). Если же принцип обязательности распространялся только на «носителей титульного языка», это кодировалось как «2». Наконец, добровольность в изучении «титульного языка» на протяжении всего периода 2000-х гг. кодировалась как «1».

Этническая структура населения и институционализация этничности

Все наблюдения (21 республика) были закодированы по каждому из трех рассматриваемых измерений. Поскольку первое («Этничность в системе органов публичной власти») и третье («Нормативное закрепление языковых предпочтений») измерения содержат несколько индикаторов, их значения были суммированы, а для того, чтобы обеспечить равный вес всех трех измерений - нормированы через приведение к «1». Кроме того, был рассчитан суммарный индекс нормативной институционализации этничности («Инд_норм_инст_этно»). Значения всех индексов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Этническая структура и индексы институционализации этничности в российских «национальных республиках»

Республика	Доля титульной группы	Органы власти	Power-sharing	Язык	Индекс норм инст этн
1. Адыгея	0,2516	0,4286	1,0000	0,6000	0,6762
2. Алтай	0,3394	0,4286	1,0000	0,6000	0,6762
3. Башкортостан	0,2949	0,5714	1,0000	1,0000	0,8571
4. Бурятия	0,3004	0,5714	1,0000	0,6000	0,7238
5. Дагестан	0,8796	0,4286	1,0000	0,4000	0,6095
6. Ингушетия	0,9412	0,4286	0,0000	1,0000	0,4762
7. Кабардино-Балкария	0,6984	0,4286	1,0000	0,8000	0,7429
8. Калмыкия	0,5737	0,1429	1,0000	1,0000	0,7143
9. Карачаево-Черкесия	0,5287	0,4286	1,0000	0,8000	0,7429
10. Карелия	0,0738	0,1429	0,0000	0,2000	0,1143
11. Коми	0,2369	0,5714	1,0000	1,0000	0,8571
12. Мари Эл	0,4392	0,1429	0,0000	1,0000	0,3810
13. Мордовия	0,4006	0,2857	0,0000	0,8000	0,3619
14. Сев. Осетия-Алания	0,6507	0,4286	1,0000	1,0000	0,8095
15. Татарстан	0,5324	0,5714	1,0000	1,0000	0,8571
16. Тыва	0,8204	0,4286	0,0000	0,6000	0,3429
17. Удмуртия	0,2800	0,5714	0,0000	0,4000	0,3238
18. Хакасия	0,1215	0,2857	1,0000	0,4000	0,5619
19. Чечня	0,9527	0,2857	0,0000	1,0000	0,4286
20. Чувашия	0,6770	0,4286	1,0000	1,0000	0,8095
21. Якутия	0,4991	0,5714	1,0000	1,0000	0,8571

Эти данные позволяют проанализировать, в какой мере и каким образом фактор этнической структуры населения влияет на институционализацию этничности в политике российских «национальных республик». Сопоставление значений индекса нормативной институционализации этничности и доли «титულიной группы» в составе населения республик представлено на рис. 1.

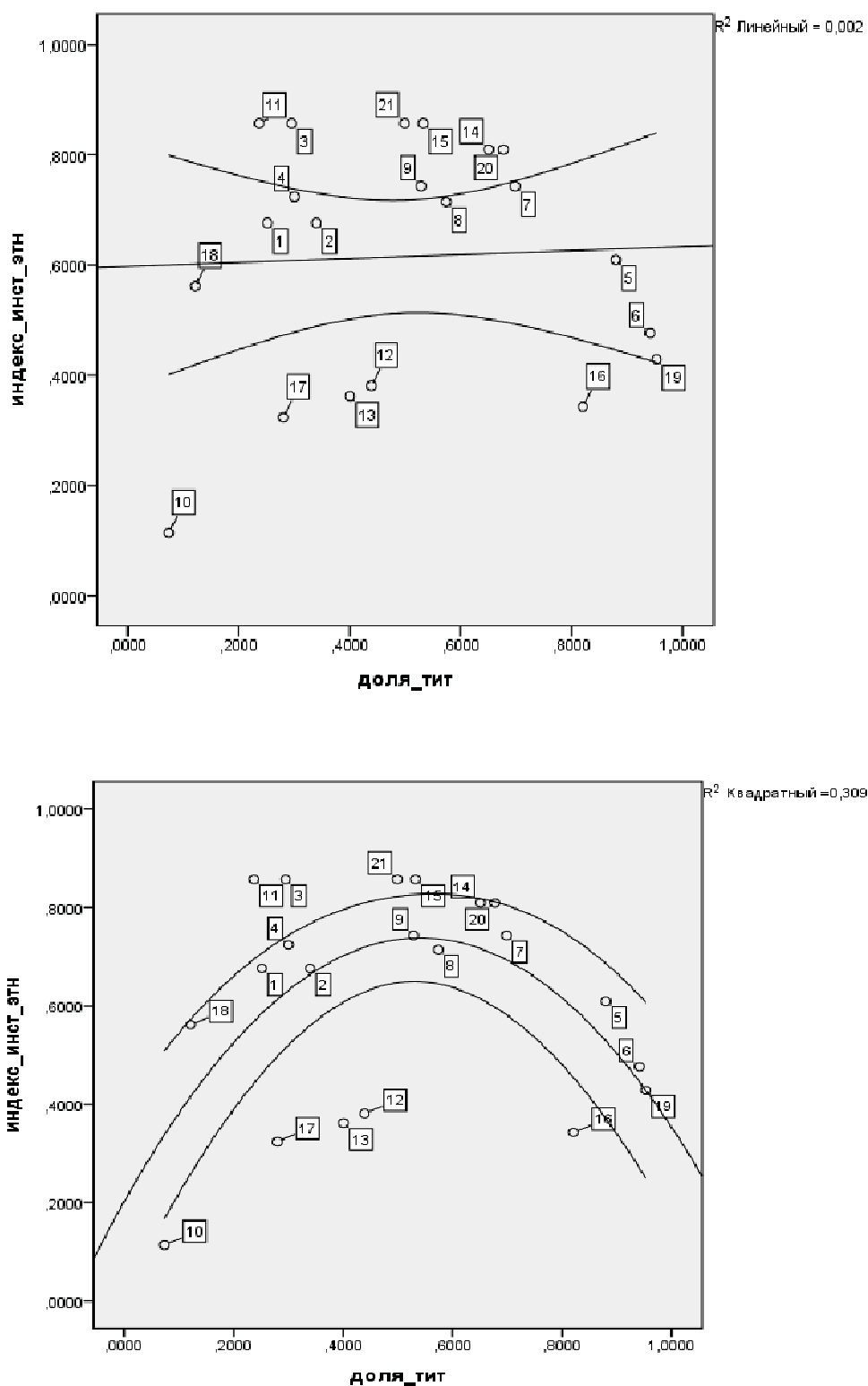
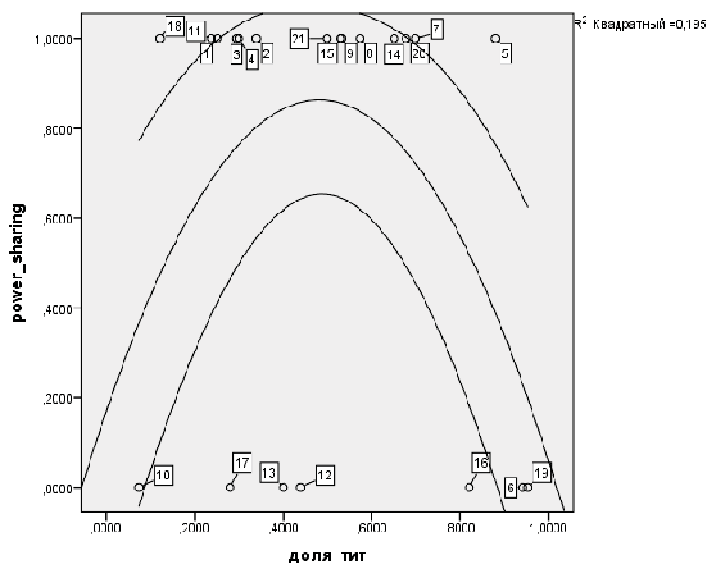
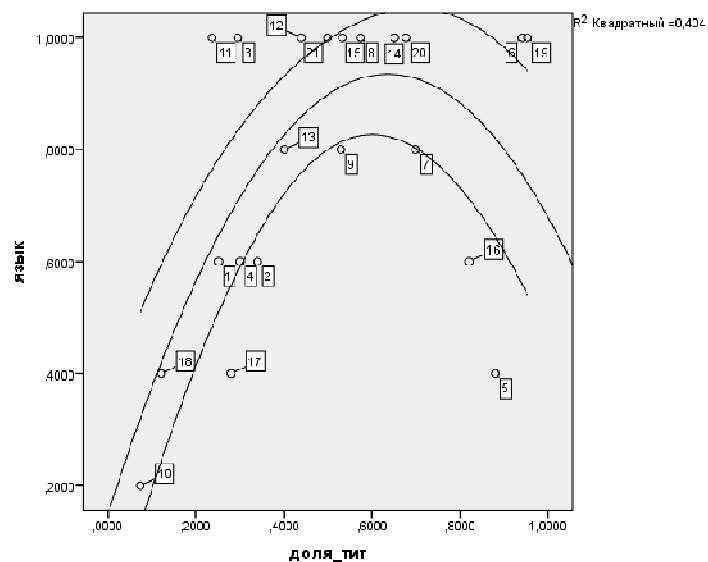

Рис. 1. Линейная и квадратическая взаимосвязь индекса нормативной институционализации этничности и доли «титულიной группы» в составе населения республик (нумерация наблюдений соответствует табл. 2)

Мы видим, что линейная взаимосвязь этих показателей отсутствует (R -квадрат = 0,002), однако обнаруживается достаточно сильная U-образная (квадратическая) зависимость. R -квадрат достигает значения «0,309», 12 наблюдений из 21 находятся в пределах доверительного интервала 95%, еще 4 случая – совсем рядом с границей интервала. Существенно отклоняются от квадратической взаимосвязи всего 5 республик. Марий Эл (12), Мордовия (13) и Удмуртия (17) демонстрируют пониженную институционализацию этничности; Башкортостан (3) и Коми (11) - напротив, повышенную.

Наличие U-образной взаимосвязи при отсутствии линейной обнаруживается и в том случае, если соотнести долю «титульной группы» в населении республики и значения отдельных измерений институционализации этничности (см. рис. 2).

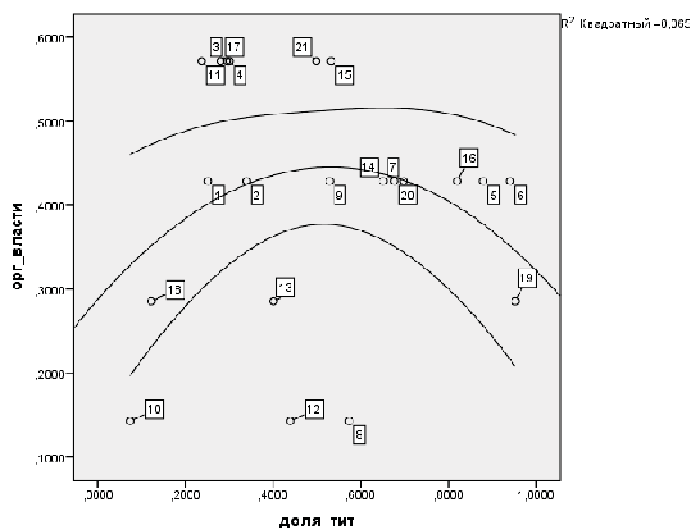

Рис. 2. Квадратическая взаимосвязь отдельных измерений нормативной институционализации этничности и доли «титульной группы» в составе населения республик

Особенно сильна квадратическая зависимость в случае языковых предпочтений, здесь R-квадрат достигает значения «0,404» (при линейной связи - только «0,165»). Другие измерения дают более низкие значения квадратической взаимосвязи. В power-sharing R-квадрат равен «0,195», в системе органов власти – «0,065», однако и в этих случаях U-образная связь значительно сильнее, нежели линейная.

Как представляется, эти различия не случайны. Преференции для «титульного языка» не имеют большого значения, если «титульная группа» явно доминирует в составе населения. В этом случае, как правило, «титульный язык» широко используется в повседневной жизни. В Тыве, например, намного более серьезной проблемой является плохое знание русского языка, нежели «титульного», на котором говорят даже на улицах столичного Кызыла. Низкая доля «титульной группы» в составе населения, напротив, остро ставит вопрос «выживания титульного языка», однако слабые позиции «титульной группы» снижают шансы на получение преференций. Так, в Карелии вопрос о придании государственного статуса карельскому языку поднимался неоднократно, но вызывал мощное, хотя и скрытое противодействие. Даже компромиссные варианты (в 2016 г., например, предлагалось внести в Конституцию республики поправку, которая бы облегчила, хотя и не гарантировала придание карельскому языку государственного статуса) не получали поддержки среди депутатов регионального парламента¹. Таким образом, институционализация этничности в языковых предпочтениях более вероятна при средних значениях доли «титульной группы» в составе населения, когда, с одной стороны, есть запрос на преференции, а с другой – достаточные для его удовлетворения ресурсы. Это и порождает достаточно сильную квадратическую зависимость.

Примерно также можно объяснить U-образную связь в случае power-sharing. Если «титульная группа» доминирует в составе населения либо, наоборот, занимает маргинальную часть, стимулы для распределения высших политических позиций между представителями разных этнических сегментов крайне слабы. Они возникают тогда, когда разные этнические сегменты сопоставимы по численности.

Что касается системы органов власти, здесь оснований для взаимосвязи доли «титульной группы» в составе населения и институционализации этничности значительно меньше. Название регионального парламента, создание отдельного «профильного комитета», «профильного ведомства» и т.п. – на подобные решения, вероятно, оказывают влияние самые разные факторы, и маловероятно, чтобы доля «титульной группы» имела здесь существенное значение.

Различия в степени влияния этнической структуры на разные измерения институционализации этничности проявляются и через статистические тесты. Как показано в табл. 3, корреляция меж-

¹ См., например: Поташов В. Карельскому языку не хватило депутатов. URL: <http://mustoi.ru/karelskomu-yazyku-ne-xvatilo-deputatov/> (дата обращения: 09.04.2019).

ду значениями индексов по отдельным измерениям достаточно слабая, и ни в одном случае не достигает статистической значимости.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции Пирсона

Единицы измерения	Язык	Power-sharing
Органы власти	0,134 (0,563)	0,408 (0,066)
Язык		0,157 (0,495)

В результате обнаруживается, что по разным измерениям институционализации этничности разные республики являются «девиантными случаями», то есть демонстрирующими существенное сильное отклонение от соответствующих линий аппроксимации и оказывающимися достаточно далеко за пределами доверительного интервала. В некоторых случаях отклонения происходят в противоположные стороны. Так, Марий Эл (12) и Мордовия (13) дают девиантно низкие результаты по power-sharing и системе органов власти, но достаточно высокие по языковым предпочтениям, а Марий Эл даже выходит за границы доверительного интервала. Удмуртия (17), напротив, демонстрирует девиантно низкую степень институционализации этничности в языке и power-sharing, но девиантно высокую – по системе органов власти. Можно говорить о том, что в этих случаях работает своего рода механизм «компенсации»: если по каким-то причинам «титულიной группе» не удастся удовлетворить свои притязания на институционализацию этничности в одной области, она стремится компенсировать это в другой сфере, где имеется больше возможностей.

* * *

Таким образом, проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что этническая структура населения российских «национальных республик» оказывает влияние на нормативную институционализацию этничности в региональной политике, однако взаимосвязь между ними не линейная, а U-образная, квадратическая. Наиболее высокая степень институционализации этничности характерна для республик со средней долей «титულიной группы» в населении. Слишком высокая доля «титულიной группы» снижает стимулы к институционализации этничности, а слишком низкая – снижает возможности «титულიной группы» для того, чтобы удовлетворить стремление к институционализации этничности. Вместе с тем, различные измерения нормативной институционализации этничности подвержены этой тенденции неодинаково. Наиболее ярко она проявляется в такой области, как нормативное закрепление языковых предпочтений, а слабее всего – в структуре органов власти республик. Некоторые республики демонстрируют существенные отклонения от выявленной тенденции. Очевидно, это связано с тем, что на институционализацию этничности оказывают влияние не только этническая структура населения республики, но и иные факторы.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: комплексный сравнительный анализ» № 19-011-00810 А.

Библиографический список

- Борисова, Н. В. (2017) Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. Москва: Политическая энциклопедия. [Borisova, N.V. (2017) When languages are on fire: contestation of language regimes as a challenge to the balance in inter-ethnic relations [Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v Щербак, А. Н., Болячевец, Л. С., Платонова, Е. С. (2016) 'История советской национальной политики: колебания маятника?' *Политическая наука*, 1, сс. 100–123. [Shcherbak, A. N., Bolyatchevets, L. S., Platonova E. S. (2016) 'History of the Soviet national policy: Swing of the pendulum' [Istoriya sovitskoy national'noy politiki: kolibaniya mayatnika?], *Political Science* (RU), 1, pp. 100–

- mezhetnicheskikh otnosheniyakh]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.).
- Назукина, М. В. (2018) 'Маркеры этничности в региональной идентичности республик России', *Регионоведение*, 4, сс. 698–717. [Nazukina, M. V. (2018) 'Markers of ethnicity in the regional identity of Russia's republics' [Markery etnichnosti v regional'noy identichnosti respublik Rossii], *Regionology*, 4, pp. 698–717. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2015) 'Этничность и распределение властных позиций в полиэтничном обществе: проблемы и решения' в: Абдулатипов, Р. Г., Дибиров, А.-Н. З. (ред.) *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения*. Москва: Аспект Пресс, сс. 148–158. [Panov, P. V. 'Ethnicity and the distribution of power positions' [Etnichnost' i raspredelenie vlastnykh positsiy] in Abdulatipov, R. G., Dibirov, A.-N. Z. (eds.) *Russian Caucasus: Problems, explorations, decisions* [Rossiyskiy Kavkaz: Problemy, poiski, resheniya], Moscow: Aspect Press, pp. 148–158. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (ed.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)].
123. (In Russ.)].
- Bormann, N.-C., Cederman, L.-E., Vogt, M. (2015) 'Language, religion, and ethnic civil war', *Journal of Conflict Resolution*, 1, pp. 1–28.
- Brubaker, R. (2013) 'Language, religion and the politics of difference', *Nations and Nationalism*, 1, pp. 1–20.
- Bunte, J., Vinson, L. (2016) 'Local power-sharing institutions and interreligious violence in Nigeria', *Journal of Peace Research*, 1, pp. 49–65.
- Horowitz, D. (1985) *Ethnic groups in conflict*. Berkeley: University of California Press.
- Krook, M., O'Brien, D. (2010) 'The politics of group representation quotas for women and minorities worldwide', *Comparative Politics*, 4, pp. 253–272.
- Lijphart, A. (2002) 'The wave of power-sharing democracy' in: Reynolds, A. (ed.) *The architecture of democracy: constitutional design, conflict management, and democracy*. Oxford: Oxford University Press.
- Panov, P. (2016) 'In search of inter-ethnic balance: ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics', *European Politics and Society*, 3, pp. 353–372.
- Reynolds, A. (2008) 'Reserved seats in national legislatures: a comparative approach' in: Handley, L., Grofman, B. (eds.) *Redistricting in Comparative Perspective*. Oxford: Oxford University Press, pp. 115–122.
- Roeder, P. (2009) 'Ethnofederalism and the mismanagement of conflicting nationalisms', *Regional & Federal Studies*, 2, pp. 203–219.
- Stojanovic, N. (2008) 'How to solve the dilemma of power sharing? Formal and informal patterns of representation in the Swiss multilingual cantons', *Representation*, 3, pp. 239–253.

Информация об авторе

Панов Петр Вячеславович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Статья принята к печати: 15.10.2019

**STRUCTURAL FACTORS FOR THE INSTITUTIONALIZATION OF ETHNICITY
IN THE POLITICS OF THE ‘NATIONAL REPUBLICS’
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

P. V. Panov

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract

The institutionalization of ethnicity, inherent in the politics of the Russian ‘national republics’, manifests itself in varying degrees and different forms. The article examines how the ethnic structure of the population influences the normative dimensions of the institutionalization of ethnicity. A comparative analysis has been performed based on indexation of such dimensions as institutionalization of ethnicity in the system of governmental bodies, in the distribution of power positions (power-sharing) and in the introduction of language preferences. The author juxtaposes the values of these indices and the ethnic structure of the population of the republics, and concludes that the ethnic structure of the population of the Russian ‘national republics’ influences the normative institutionalization of ethnicity; however, the relationship between them is not linear, but U-shaped, quadratic. The republics with an average share of the ‘titular group’ in the population demonstrate the highest degree of institutionalization of ethnicity. An overly high share of the ‘titular group’ reduces incentives to institutionalize ethnicity, while an overly low share reduces opportunities for the ‘titular group’ to satisfy its desire to institutionalize ethnicity. At the same time, different dimensions of the normative institutionalization of ethnicity follow this tendency unequally. It is most clearly manifested in such a field as the introduction of language preferences, and most weakly – in the system of the republican governmental bodies.

Keywords: national republics; ethnicity; institutionalization; governmental bodies; power-sharing; language.